

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-110>

УДК 82

«ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ КУХНИ» В РОМАНЕ Л.Е. УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЕНый ШАТЕР»: ТВОРЧЕСТВО КАК СТИМУЛ БЫТИЯ

А.И. Гонтарева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы и цель. Творчество Л. Улицкой и по сей день является объектом повышенного внимания критиков и литературоведов. Роман «Зеленый шатер» (2011) обозначил новый этап в развитии творчества автора. В отличие от ранних текстов Л. Улицкой, «Зеленый шатер» охватывает не судьбу одной личности или семьи, но целую эпоху «от Иосифа до Иосифа» (1951–1990) и, как следствие, представляет читателю целый калейдоскоп героев, их судеб. Замах на эпическую эпопею отвечает задаче автора – изобразить идеологию, историю русского диссидентства означенного периода. В статье рассматривается поэтика романа «Зеленый шатер», особое внимание уделяется теме творчества, образу художника. Опорой исследования послужили труды Н. Лейдермана, М. Липовецкого, Н. Ковтун, О. Осьмухиной, Н. Поляковой, Д. Тищенко, посвященные творчеству Л. Улицкой.

Методологией исследования стали сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический и историко-культурный подходы.

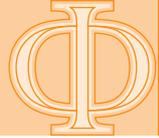
Предметом исследования является реализация темы творчества в романе «Зеленый шатер».

Результаты исследования. На основании анализа романа Л. Улицкой «Зеленый шатер» показано, как изменяется восприятие образа эпохи, проблемы творчества, личности в историческом контексте. Если в ранних произведениях автора на первый план выдвигается бытие человека и его окружения, то в данном произведении наблюдается трансформация авторской манеры. В текстовой действительности Л. Улицкой возникает необходимость обращения не к одной человеческой судьбе, но к судьбе поколений, стержнем истории становится тема взаимоотношений художника и власти.

Заключение. Л. Улицкая, помещая героев романа в реальный исторический контекст, вписывая их судьбы в историю страны, ставит в произведении социально-философские проблемы взаимоотношений человека и государственной машины. Творчество становится единственным способом выживания личности в условиях диктатуры.

Ключевые слова: проза, Л. Улицкая, диссидентство, образ творца, неосентиментализм.

Постановка проблемы. Современный литературный процесс в России является объектом повышенного интереса критиков и литературоведов. Взаимопроникающие литературные системы становятся объектом актуального научного дискурса [Ковтун, 2016]. При внушительном корпусе исследовательских работ обозначить строгие границы определенной художественной парадигмы становится сложно. Доказательством этому служит разноречивый анализ текстов Л. Улицкой, чье раннее творчество (1990–2010) традиционно относят к эстетике неосентиментализма [Гонтарева, 2019, с. 18] или мидл-литературе

[Ковтун, Богданова, 2014], поздний этап связан с попыткой создания текстов, претендующих на эпопейность.

Исследователи подчеркивают, что рубеж XX–XXI вв. стал переломным моментом в устоявшихся художественных направлениях, породил многообразие синхронно сосуществующих литературных систем. Так, роман «Зеленый шатер» не вписывается в рамки той «авторской герменевтики», о которой говорила писательница в начале своего творчества. В отличие от ранних текстов Л. Улицкой («Сонечка», «Медея и ее дети», «Веселые похороны», «Искренне ваш Шурик»), роман «Зеленый шатер» охватывает судьбу не одной личности, а целую эпоху «от Иосифа до Иосифа» (1951–1990) и, как следствие, представляет читателю целый калейдоскоп героев и их судеб. Такой замах на «эпопейность» повествования отвечает новой задаче автора [Осьмухина, 2012, с. 108].

Целью настоящего исследования является анализ темы творчества в романе «Зеленый шатер», выявление функциональной значимости образов советской интеллигенции «вне закона». Достижение цели помогает понять идейно-художественную доминанту произведения, глубинные интертекстуальные связи и смыслы.

Методология. Для осмысления темы творчества, роли образов творческой интеллигенции, представленной в романе Л. Улицкой, в статье применяются сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический и историко-культурный методы анализа литературных произведений.

Результаты исследования. Жанр произведения Л. Улицкой «Зеленый шатер» критики и исследователи определяют по-разному. Так, Т. Григорьева говорит о нем как о «синкретическом труде»: «Это не роман, не историческое исследование и не публицистическая статья, а нечто среднее», своего рода публицистическая беллетристика [Григорьева, с. 2011]. Критик Т. Фролова называет роман «очень историческим, в квадрате», где само «время – главный герой и оно же движущая сила повествования» [Фролова, 2011]. Исследователь В.С. Вуколова дает тексту Улицкой определение «филологический роман» [Вуколова¹, 2017, с. 124], отмечая его литературоцентричность. Разные взгляды сходятся в том, что в художественном методе писательницы произошла эволюция.

Структурно художественный текст состоит из 30 рассказов, каждый из которых на первый взгляд кажется самостоятельным произведением, так как все они имеют начало и логическое завершение, перед читателем открывается свобода: прочесть роман полностью, линейно или выборочные главы и даже изменить последовательность прочтения. Однако все элементы произведения связаны между собой образами главных героев, представителей группы «Трианон»: Саня Стеклов, Миха Мелаид, Илья Брянский – и их окружением. Важным признаком этой группы персонажей является обособленность от остального мира и даже противостояние, в частности с «вождями» класса – Мурыгиным и Мутюкиным: *А потом, когда Мутюкин и Мурыгин мирились, опять начинали замечать*

¹ Вуколова В.С. Литературоцентричность прозы Людмилы Евгеньевны Улицкой (интертекстуальный аспект): дис. ... канд. филол. наук: 01.01.01. Тамбов, 2017. 202 с.

этих непарных, некомпанейских чужаков, которых избить как следует труда не составляло, но интереснее было держать их в страхе и беспокойстве и постоянно напоминать, кто здесь главный: еврей-очкарик, музыкант, школьный шут или «нормальные ребята» <...> (Улицкая, 2011, с. 30).

Главными героями Л. Улицкой становятся аутсайдеры, которые находятся вне общества, не вписываются в рамки образа идеального советского человека. Только они, по мнению К. Чачанидзе, способны транслировать нормальное человеческое отношение к жизни: «Ihre Protagonisten sind Außenseiter, jene „Kranken, Alten, Invaliden und Verrückten“, die außerhalb der sowjetischen Gesellschaft stehen und als solche die „normale menschliche Beziehung zum Leben“ besonders deutlich zeigen» [Chachanidze, 2005, с. 60].

Изображаемое время в романе – 60–80-е гг. XX в. – эпоха новой культурной и духовной формации. Именно в этот период возникает феномен *интеллигентские кухни* [Полякова, 2020, с. 155]. Этот феномен подразумевает «группу людей, объединенную общим интересом к литературе и искусству»: *На кухнях пили чай и водку, шелестели преступные бумаги, шуришали магнитофонные ленты с Галичем и молодым Высоцким...* (Улицкая, 2011, с. 237). Сама писательница в интервью отвечает на вопрос, почему была выбрана столь «винтажная» тема: *Диссиденты в России были первым поколением, которое побороло в себе страх перед властью, которое начало великую борьбу за право иметь собственное мнение, за право думать не «по-газетному» <...>. Это была школа мужества и независимости* (Улицкая, 2010).

Стоит отметить, что автор отнюдь не идеализирует образ диссидентов в своем романе: *Все подпольщики тех лет, читатели и делатели самиздата, переругались и разбились по мелким партиям, на овец и козлиц* [Улицкая, 2011, с. 380]. Так, если Миха Меламид из-за своей большой впечатлительности от прочитанного самиздата попадает на крючок кагэбэшников, то Илья Брянский относится к литературе хладнокровно и профессионально: *Илья на самиздате зарабатывал. В отличие от большинства прочих гуттенбергов своего времени, интеллигентским чистоплутьством он не страдал и за потраченное время желал получить приличное вознаграждение...* (Улицкая, 2011, с. 170).

Особенностью изображения культурного поля в романе «Зеленый шатер» является акцент на его альтернативных формах, в первую очередь *диссидентстве и самиздате*: «Основное напряжение связано с противостоянием диссидентской культуры и “официоза”, защищаемого государством» [Полякова, 2020, с. 156]. Помимо постоянного преодоления опасности, организующим фактором для этого культурного пространства стала *эпидемия чтения* (Улицкая, 2011, с. 240): *Жадное, безудержное, маниакальное чтение – хобби, невроз, наркотик. Для многих книга из учителя жизни превращалась в ее заменитель* (Улицкая, 2011, с. 332). По мнению исследователя Е. Новиковой, в условиях потери перспективы жизни человек пытается найти некое убежище. Им может стать любовь, творчество, для героев романа Л. Улицкой – чтение: «<...> окружающая действительность транс-

формируется в новую, “виртуальную” реальность. Человек пытается убежать от самого себя и спрятаться в мире “иллюзорном”» [Новикова, 2019, с. 22]. Эта же картина «запойного чтения» персонажей отличает и раннюю повесть «Сонечка», главная героиня которой до встречи с художником (недавним зэком) буквально остается в книжных лабиринтах – подвале библиотеки – и не способна отличить игру и «внетекстовую реальность» [Ковтун, 2014].

В рассматриваемом дискурсе важным становится вопрос об истинном творчестве, вписанном в сложный исторический контекст, о творце, перед которым постоянно стоит выбор – «соблюдать правила» государства или же, рискуя свободой и жизнью, транслировать в мир истинное искусство. Категорию творца мы рассматриваем в самом широком смысле – это писатели, музыканты, художники, журналисты, критики и т.д.

Точкой отсчета в возникновении такой «интеллигентской кухни» на страницах романа «Зеленый шатер» становится появление нового учителя в жизни Трианона – Виктора Юльевича Шенгели (Руки). Жизнь главных героев меняется в лучшую сторону, преподаватель становится путеводной звездой ребят в мире литературы и истории: *Литература – лучшее, что есть у человечества. Поэзия – это сердце литературы, высшая концентрация всего лучшего, что есть в мире и в человеке. Это единственная пища для души* (Улицкая, 2011, с. 50). Виктор Юльевич учит детей мыслить критически, пользоваться не только «официальными» учебниками, но и другими источниками информации, ценить классическую литературу. На любви к литературе и формируется кружок «ЛЮРСЫ» – кружок любителей русской словесности.

Это объединение отличает ощущение живой связи с историей родной страны, декабризма, с идеями русской литературы: *Из всякого времени надо вырывать-ся, высказывать, не давать ему поглотить себя. – Литература – единственное, что помогает человеку выживать, примиряться со временем, – назидал Виктор Юльевич своих воспитанников* (Улицкая, 2011, с. 54). Именно здесь формируются жизненно-философские установки на будущее у группы Трианона – Миха решает поступать на филологический, Илья развивает свой талант документальной журналистики – собирает архив ЛЮРСОВ, который позже попадет в руки КГБ: *Пройдет полтора десятилетия, прежде чем полковник Чибиков... доберется до этого детского архива... и еще пятьдесят лет до того года, когда институт изучения Центральной и Восточной Европы регистрирует этот архив за семизначным номером с косой чертой посередине* (Улицкая, 2011, с. 34).

Характерной особенностью кружка стало разнообразие топосов, в которых он изображен: не только на кухне Юлича, но и на московских улицах: *По средам Виктор Юльевич таскал <...> «люрсов», как они себя называли, по Москве и выводил их, дуя в свою флейточку, из бедного и больного времени в пространство, где работала мысль, где жила свобода, и музыка, и всякие искусства. Вот, здесь все это обитало! За этими окнами* (Улицкая, 2011, с. 50). Сакральным местом для избранных становится Потаповский переулок, по которому еще ходила

<...>последняя любовь Пастернака, отсидевшая срок за эту любовь, и ее дочка, тоже отсидевшая срок за причастность (Улицкая, 2011, с. 524). Герои постоянно ощущают связанность с русской культурной традицией, независимо от времени сохраняющей след: *И Пастернак по этому переулку ходил каких-то двадцать лет тому назад. А сто пятьдесят лет тому – Пушкин... И мы тут проходим, огибая вечные лужи* (Улицкая, 2011, с. 525). Именно ЛЮРСЫ становятся проводниками по закулисью Москвы для русского иностранца-журналиста Пьера Занда (отсылка к культуре русской эмиграции): *А вчерашние «люрсы» были лучшими из проводников для тоскующего по России Пети* (Улицкая, 2011, с. 115).

Еще одним признаком антисоветской интеллигенции на страницах романа становится закодированный язык, что типично для русских интеллектуальных сообществ, диссидентства в целом начиная с Арзамаса и Северного тайного общества. Лексика ее сформировалась как реакция на искусственно созданный официальный язык Советов с его лозунгами и плакатами. В финальной главе романа, названной по одноименному сборнику стихотворений И. Бродского «Конец прекрасной эпохи», друзья встречаются в эмиграции, в доме поэта, названного языком советизмов «тунеядцем». Он же, опровергая это звание *...читал и без всяких просьб, ему самому нужно было это произнесение вслух – колебание воздуха, доказательство жизни* (Улицкая, 2011, с. 581).

По мнению исследователя Н. Поляковой, одним из главных культурных кодов времени в романе является имя Бориса Пастернака. Л. Улицкая часто работает с узнаваемыми лицами. Реализуя задачи миддл-литературы, играя с интертекстуальным полем текста, Л. Улицкая подчеркивает особый «код доступа» в мир интеллигенции – это погружение в роман «Доктор Живаго», который не вписывался в рамки соцреализма: *«Великий постскриптум к русской классической литературе», – вывел Виктор Юльевич свое заключение* (Улицкая, 2011, с. 74). Чтение, обсуждение, перепечатывание на машинке и даже хранение в личном архиве рукописи запрещенного текста было исполнено большого риска и равнялось подвигу: *Такие книги меняют жизнь!* (Улицкая, 2011, с. 101).

В предлагаемом ракурсе «люрсы», несмотря на то что являются почти детьми, воспринимаются как миссионеры. В романе «Зеленый шатер» упоминание имени Б. Пастернака и даже намек на него становятся «маркерами» культурного единства и духовного «родства героев романа» [Полякова, 2020, с. 156]. Показательно, что избранные персонажи ведут себя как члены некоего тайного общества, в их поведении проскальзывает что-то заговорщическое: *Моя бабушка дружит с Борисом Леонидовичем чуть не всю жизнь. Она его роман перепечатывала. Это бабушкин экземпляр. Виктор Юльевич накрыл горячей рукой болтливый рот: «Никогда и никому этого не говорите. И мне вы этого не говорили»* (Улицкая, 2011, с. 101). Автор создает хронотоп, в котором ощущение опасности, конспиративность являются структурообразующими элементами сюжета.

Конфликт в романе зиждется на строгой оппозиции: с одной стороны, *советская фантазмагория* (Улицкая, 2011, с. 105): *Страна жила своей безумной*

жизнью – после невидимой свары у гроба Джугашвили, тайной борьбы за власть, после возвращения первых тысяч лагерников и ссыльных... (Улицкая, 2011, с. 106), с другой – противостоящие ей представители подлинной интеллигенции, составляющие пространство, где работала мысль, где жила свобода, и музыка, и всякие искусства (Улицкая, 2011, с. 74). Так, в изображении художника Бориса Муратова это противостояние перерастает в открытую авторскую иронию над «официозом» – в его квартире не работает ордер на обыск, а вот почетная грамота с профилем вождя и печатью оказывает свое действие на представителей власти и позволяет художнику Муратову сбежать в глубинку. Жизнь художника в деревне не только спасительна, но и умиротворяет его душу: *Борис Иванович давно уже и не помышлял о колбасе – в этих краях она полностью потеряла свой символический смысл, как предмет давно забытый и полностью вышедший из обихода. <...> Рисовал теперь Муратов исключительно застолья старух* (Улицкая, 2011, с. 419).

Исследователь Катрин Чачанидзе считает, что интеллектуальность, духовность, неформальное искусство и образ жизни «подполья» становятся единственным способом выжить в условиях диктатуры, сохранить подлинного себя: «Damit geraten jüdische „Geistigkeit“ und „Intellektualität“ sowie die „entartete“ Kunst und Lebensweise des „Underground“ zur einzigen Möglichkeit, die Diktatur in Authentizität, in Treue zu sich selbst und in geistigem Reichtum überleben zu können» [Chachanidze, 2005, с. 109]. Всесторонне нарастающее напряжение: атмосфера страха, постоянное ощущение опасности рождает, однако, необъяснимый духовный подъем и ощущение скорых перемен, что транслируется через поэзию: *Сколько стихов! Сколько стихов! Не было другого такого времени в России ни до, ни после. Стихи заполняли безвоздушное пространство, сами становились воздухом* (Улицкая, 2011, с. 140).

Как отмечает Д.Е. Тищенко, одной из ведущих тем романа «Зеленый шатер», поддерживающей идейно-смысловую структуру, является проблема взаимоотношения человека и власти. Большинство героев книги находятся в открытой конфронтации с действующим режимом [Тищенко, 2015, с. 309]. В разрешении этой проблемы важным становится выбор самого героя-творца, который определит его дальнейшую судьбу. Среди представителей Трианона мы видим три варианта разрешения: *уход в смерть, уход в эмиграцию, уход в искусство* (курсив наш. – А.И.).

Так, Миха Меламид, искренний и добродушный герой, который всю жизнь ощущает жертвенную вину перед всеми, в столкновении с властью не выдерживает давления. Именно творчество актуализирует его самоутверждающийся тип самосознания, позволяет не обрывать связь с окружающей действительностью. Невозможность заниматься творческой деятельностью становится для него постыдной, толкает на самоубийство: *Какой простой и верный выход. Почему это никогда раньше не приходило в голову? Как хорошо, что тридцати четырех еще не исполнилось. Ведь именно в тридцать три года Иисус совершил поступок, подтвердивший его абсолютную зрелость: он добровольно отдал свою жизнь за идею, которая вообще-то не вызвала у Миши большого сочувствия, – за чужие грехи* (Улицкая, 2011, с. 544).

Илья Брянский, столкнувшись с государственной машиной, чувствуя опасность, эмигрирует за границу, оставляя семью и друзей: *Самолет все набирал высоту и стремительно уходил на запад, оставляя позади руины проклятой жизни, вязкую путаницу, страх, стыд, ложь, и он вдыхал искусственный самолетный воздух – воздух свободы и высокогорья. Впереди маячила восхитительная пустота, жизнь начиналась с чистой страницы, все помарки стертые, как ластиком* (Улицкая, 2011, с. 445).

Саня Стеклов находит спасение в искусстве, в мире музыки: *И снова, и снова слушал Саня Баха, и к исходу второй недели исцелился совершенно. Последняя прелюдия и fuga си-минор – Бах написал «Ende Gut – Alles Gut». – Хорошо, – сказал Саня. Он Баху доверял* (Улицкая, 2011, с. 531). Уже после смерти бабушки и друга Михи он эмигрирует в США, где становится всемирно известным музыкантом. Эмиграция для Сани – способ обретения свободы, единственная возможность писать и говорить о музыке без оглядки на постановления правительства.

Эпилог романа указывает на субъективность повествования, что характерно для современной русской литературы в целом, об этом говорила еще Л.Я. Гинзбург: «...именно для современной литературы очень характерно изменение позиции автора. В очень многих романах автор поставлен в особое положение. Он обнаруживает свое присутствие <...> Такое личное, автобиографическое присутствие автора, <...> есть характерные для современной прозы размытые границы между вымыслом и реальностью» [Гинзбург, 2010]. Нивелирование этих границ достигается и за счет смешения образов реальных исторических личностей с вымышленными персонажами. Стоит отметить, что введение знаковых фигур (В. Набоков, И. Бродский, Б. Пастернак, А. Солженицын, А. Сахаров и т.д.) в структуру сюжета – характерный для творчества писательницы прием, они являются собой образы-символы, выполняют пророческую функцию в тексте.

Таким образом, мы приходим к выводу, что автор, помещая героев романа в реальный исторический контекст, вписывая их судьбы в историю страны, ставит в произведении социально-философские проблемы взаимоотношений человека и государства, культуры и власти, творческой свободы или несвободы, проблему нравственного выбора в условиях диктатуры. Центральную философско-художественную идею произведения озвучивает Саня в финале повествования: *Время слонится, <...> все происходит одновременно. Близко к концу... отсюда цитатность. Кажется, **ничто ценное не устареет*** (Улицкая, 2011, с. 586).

В целом ясно обнаруживается писательская интенция, утверждающая, что в самые суровые времена ментальной чертой русской интеллигенции остается вера в особое духовно-нравственное предназначение искусства. Тема творчества приобретает в таком ключе онтологическое значение как способ героя выжить в страшной истории.

Список источников

1. Улицкая Л.Е. Зеленый шатер. М.: Эксмо, 2011. 592 с.

2. Улицкая Л.Е. Личинки, дети личинок // Интервью с Л. Улицкой. Гостева А. / Газета.ru. 21.12.2010. URL: https://m.gazeta.ru/culture/2010/12/21/a_3472805.shtml (дата обращения: 15.11.2021).

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. Последнее интервью с Лидией Яковлевной Гинзбург // Сеанс: электронный журнал. 15.12.2010 / Л. Аркус. URL: <https://seance.ru/articles/ginzburg/> (дата обращения: 20.11.2021).
2. Глазкова М.М., Попова И.М. «Цитатность» как способ выражения авторской позиции в романе «Зеленый шатер» Л. Улицкой. Лейтмотив «имаго» // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2014. № S13. С. 26–30. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14653.html> (дата обращения: 10.11.2021).
3. Гонтарева А.И. Образ «сироты духа» в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» // Актуальные проблемы современной филологии: матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.А. Полуэктова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. С. 18–22.
4. Григорьева Т. Людмила Улицкая. Зеленый шатер. 24.01.2011. URL: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/20064?expand=yes#expand> (дата обращения: 04.11.2021).
5. Ковтун Н.В. Актуальная литература в зеркале манифестов («Мой манифест» Распутина, «Учение ЕПС» В. Ерофеева и «Отрицание траура» С. Шаргунова) // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2016. № 58 (2). Vilnius: Vilniaus universitetas, p. 52–65.
6. Ковтун Н., Богданова О. Коммуникативные стратегии в «миддл-литературе» рубежа XX–XXI вв.: случай Л. Улицкой // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. № 1. С. 14–25.
7. Ковтун Н.В. Мифопоэтика сюжета о поиске и обретении истины в повести Л. Улицкой «Сонечка» // Известия Уральского федерального университета. 2014. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 1. С. 233–248.
8. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: в 3 т. М.: Академия, 2003. Т. 3. 567 с.
9. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века: учеб. пособие. М.: Флинта, 2005. 310 с.
10. Новикова Е.О. Апокалиптические темы и мотивы в истории русской литературы // Современная филология: состояние, проблемы, перспективы: матер. VIII Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием / отв. ред. Т.А. Полуэктова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. С. 17–22.
11. Осьмухина О. Скромное обаяние эпохи. «Зеленый шатер» Л. Улицкой // Вопросы литературы. 2012. № 3. С. 108–119.
12. Полякова Н.А. Альтернативное культурное пространство в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург. 2020. № 12 (102). Ч. 3. С. 155–158. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.102.12.104>
13. Тищенко Д.Е. Роман Л. Улицкой «Зеленый шатер»: проблематика, поэтика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Изд-во Грамота. 2015. № 8, ч. 2. С. 307–311.
14. Фролова Т. Шатер с табличкой «Выход» // Нева. 2011. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/8/shater-s-tablichkoj-vyход.html> (дата обращения: 05.12.2021).
15. Chachanidze K. Zerrbilder des Weiblichen und Jüdischen: Das Andere in Texten Ljudmila Ulicakajas und Mariam Juzefovskajas (Open Access). Dissertation 2005. Einzelnachweise [Bearbeiten | Quelltext bearbeiten]. 285 с.

Сведения об авторе

Гонтарева Альбина Игоревна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: albka_kaza@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-110>

“INTELLECTUAL KITCHENS” IN L.E. ULITSKAYA'S NOVEL “THE BIG GREEN TENT”: CREATIVITY AS A STIMULUS OF BEING

A.I. Gontareva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Introduction. The works of L. Ulitskaya are still the subject of increased attention of critics and literary researchers. The novel “The Big Green Tent” marked a new stage in the development of the author’s work. Unlike L. Ulitskaya’s early texts, “The Big Green Tent” covers not only the fate of one person or family, but the whole epoch “from Joseph to Joseph” (1951–1990) and, as a result, presents the reader with a whole diversity of heroes and their destinies. The epic swing meets the author’s task – to depict the ideology, the history of Russian dissidence of the indicated period. The article examines the poetics of the novel “The Big Green Tent”, special attention is paid to the theme of creativity, the image of the artist. The research was based on the works of N. Leiderman, M. Lipovetsky, N. Kovtun, O. Osmukhina, N. Polyakova, D. Tishchenko, dedicated to the work of L. Ulitskaya.

The *methodology of the study* was comparative, structural-typological and historical-cultural approaches.

The subject of the study is the realization of the theme of creativity in the novel “The Big Green Tent”.

Results. Based on the analysis of the novel by L.E. Ulitskaya, it is shown how the perception of the image of the epoch, the problem of creativity, personality in the historical context changes. If in the author’s early works the existence of a person and his environment is brought to the fore, then in this work there is a transformation of the author’s manner. In the textual reality of L. Ulitskaya, there is a need to address not just one human fate, but the fate of entire generations, the core of the story becomes the theme of the relationship between the artist and the authorities.

Conclusions. L. Ulitskaya in her work poses the socio-philosophical problems of the relationship between a person and the state machine by placing the heroes of the novel in a real historical context, inscribing their destinies in the history of the country. Creativity becomes the only way for the survival of the individual in a dictatorship.

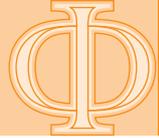
Keywords: *prose, L. Ulitskaya, dissidence, the image of the creator, neosentimentalism.*

List of sources

1. Ulitskaya L.E. The big green tent. Moscow: Eksmo Publishing House, 2011. 592 p.
2. Ulitskaya L.E. Larvae, children of larvae // Interview with L. Ulitskaya. Gosteva A. / Газета.ru. 21.12.2010. URL: https://m.gazeta.ru/culture/2010/12/21/a_3472805.shtml (access date: 15.11.2021).

References

1. Ginzburg L.Ya. The last interview with Lidia Yakovlevna Ginzburg // Electronic magazine “Session”. 12.15.2010 / L. Arkus. URL: <https://seance.ru/articles/ginzburg/> (access date: 20.11.2021).
2. Glazkova M.M., Popova I.M. “Citation” as a way of expressing the author's position in the novel “The big green tent” by L. Ulitskaya. Leitmotif “imago” // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. 2014. No. S13. P. 26–30. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14653.html> (access date: 10.11.2021).

3. Gontareva A.I. The image of the “orphan spirit” in L. Ulitskaya's novel “Sincerely your Shurik” // Actual problems of modern philology / Materials of the IX International scientific and Practical Conference / Ed. by T.A. Poluektov; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev. Krasnoyarsk, 2019. P. 18–22.
4. Grigorieva T. Lyudmila Ulitskaya. “The big green tent”. 24.01.2011. URL: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/20064?expand=yes#expand> (access date: 04.11.2021).
5. Kovtun N.V. Actual literature in the mirror of manifestos (“My Manifesto” by Rasputin, “The Doctrine of the ENP” by V. Yerofeyev and “Denial of Mourning” by S. Shargunova) // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2016. No. 58 (2). Vilnius: Vilnius universitetas, p. 52–65.
6. Kovtun N., Bogdanova O. Communicative strategies in the “middle literature” of the turn of the XX–XXI centuries: the case of L. Ulitskaya // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 9. 2014. No. 1. P. 14–25.
7. Kovtun N.V. Mythopoetics of the plot about the search and finding of truth in L. Ulitskaya's story “Sonechka” // Izvestiya Ural Federal University. Ser. 2: Humanities. 2014. No. 1. P. 233–248.
8. Leiderman N.L., Lipovetsky M.N. Modern Russian Literature. In 3 vol. Moscow: Publishing House of the Academy, 2003. Vol. 3. 567 p.
9. Nefagina G.L. Russian prose of the end of the XX century: textbook. manual. Moscow: Flint Publishing House, 2005. 310 p.
10. Novikova E.O. Apocalyptic themes and motives in the history of Russian literature // Modern philology: state, problems, prospects: materials of the VIII All-Russian scientific and methodological conference with international participation / Ed. by T.A. Poluektov; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev. Krasnoyarsk, 2019. P. 17–22.
11. Osmukhina O. Modest charm of the epoch. “The big green tent” by L. Ulitskaya // Questions of literature. 2012. No. 3. P. 108–119.
12. Polyakova N.A. Alternative cultural space in L. Ulitskaya's novel “The Green Tent” // International Scientific Research Journal. Yekaterinburg. 2020. No. 12 (102) H. 3. P. 155–158. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.102.12.104>
13. Tishchenko D.E. Roman L. Ulitskaya “The big green tent”: problematics, poetics // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Publishing House of the Diploma. 2015. No. 8, p. 2. P. 307–311.
14. Frolova T. Tent with a sign “Exit”// Neva Magazine. 2011. No. 8. URL: <https://magazines.Gorky.media/neva/2011/8/shater-s-tablichkoj-vyhod.html> (access date: 05.12.2021).
15. Chachanidze K. Distorted Images of the Feminine and the Jewish: The Other in texts by Lyudmila Ulickaja and Mariam Juzefovskaja (Open Access). Dissertation 2005. References [edit]. 285 p.

About the author

Gontareva Albina Igorevna – Postgraduate student of the Department of World Literature and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: albka_kaza@mail.ru